

DOI:10.30842/ielcp230690152302

А. В. Андреев

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

УПОТРЕБЛЕНИЕ МЕСТОИМЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ТЕКСТАХ М. ДАУКШИ

В статье рассматривается употребление местоименных форм прилагательных в старолитовских текстах М. Даукши. Обнаруживается, что в отличие от современного литовского языка, местоименные прилагательные в гораздо большей степени синтаксически обусловлены. Делается предположение о возможной связи их с актуальным членением предложения и о возможном влиянии славянской модели противопоставления полных и кратких форм прилагательных.

Ключевые слова: литовский язык, балто-славянское языковое взаимодействие, местоименные прилагательные, актуальное членение предложения

A. V. Andreev

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

On the use of pronominal adjectives in M. Daukša's texts

In the article, the usage patterns of pronominal adjectives in Old Lithuanian texts by M. Daukša are analyzed. It is discovered that the use of such adjectives is to a much greater degree governed by syntactic factors, than in Standard Modern Lithuanian. It is conjectured that such usage may be accounted for by the information structure of the sentence, the pronominal adjectives perhaps marking the topic of the sentence. It is also hypothesized that such correlation may be due to the influence of Slavic opposition of brief and full adjectives.

Keywords: Lithuanian language, Balto-Slavic linguistic interaction, pronominal adjectives, informational structure

Наличие двух типов склонения прилагательных характерно для трех групп индоевропейских языков: германской, балтийской и славянской. Вопрос о происхождении этого противопоставления остается в достаточной степени дискуссионным. С одной стороны, выдвигалась гипотеза об общем происхождении балтийских местоименных, славянских полных и германских слабых прилагательных (Heinrichs 1954: 62). С другой стороны, А. Мейе даже балтийские и славянские формы считал результатом независимого параллельного развития (Meillet 1908: 43–44). Ю. К. Кузьменко, опираясь на данные саамского

языка, предполагает, что это явление носит ареальный характер (Kusmenko 2011: 70–72). Наконец, ряд исследователей, рассматривая предысторию местоименных прилагательных в контексте реконструкции синтаксиса, обнаруживали сходные явления и в других ветвях индоевропейских языков (Valeckienė 1990; Koch 1992; Petit 2009).

С синхронной точки зрения соотношение между слабыми/местоименными прилагательными в трех группах индоевропейских языков может быть в самом общем виде представлено в виде следующей таблицы:

	герм.	балт.	слав.
синтаксические ограничения	+	–	+
значение определенности	+	±	–

Конечно, детальная картина оказывается гораздо менее стройной – и в германских языках не всегда слабые прилагательные выражают определенность (Кузьменко 2011: 68, сн. 70), и в славянских языках, напротив, можно отыскать некоторые следы семантики определенности у полных прилагательных (Kurz 1946). Подробный анализ сходств и различий германской и балтославянской ситуации приводится в (Ott 1982), однако даже с учетом всех этих нюансов балтийские языки оказываются противопоставлены здесь и германским, и славянским, потому что только в них различие двух типов прилагательных возможно в **любой** синтаксической позиции.

Таким образом, в балтийских языках противопоставление простых и местоименных прилагательных является отдельной полноценной грамматической категорией, описать значение которой, однако, оказывается достаточно трудно. В разных работах семантика балтийских местоименных форм прилагательных описывается как «определенность» (Guild 1970: 170; Holvoet 2006; Mikulskas 2006), выражение эмфазы (Gāters 1959: 136–137); выражение отличительного или постоянного признака (Valeckienė 1957); «усилительная функция» (Valeckienė 1986). Такое различие в трактовках связано, по-видимому, не только с различными теоретическими установками исследователей, но и с объективной неоднородностью этой категории в рамках балтийского ареала (Holvoet, Spraunienė 2012).

Академическая грамматика современного литовского языка занимает в этом вопросе компромиссную позицию, называя рассматриваемую категорию «определенностью» (*apibrėžtumas*), однако постулируя в качестве ее семантического ядра

«выделение предмета из ряда ему подобных на основании данного признака» (DLKG 1997: §543.1). Как периферийные компоненты значения этой категории академическая грамматика приводит также 1) употребление местоименных прилагательных при анафорических повторах (§ 543.2); 2) обозначение постоянных, типических свойств предметов, например, в эпитетах и фольклорных формулах (§ 545).

В этой связи представляется весьма интересным рассмотреть эволюцию противопоставления простых и местоименных форм в литовском языке. Однако, в то время, как история форм местоименных прилагательных изучена исчерпывающе (Zinkevičius 1958; Носк 2016; Sommer 2018), нам известны только два исследования их семантики на материале конкретных памятников – перевода Библии Бреткунаса (Parenti 1995) и анонимной Вольфенбюттельской Постиллы (Gelumbeckaitė 2018) Особый интерес, на наш взгляд, представляло бы изучение переводов с польского на литовский, как возможной точки взаимодействия балтийских и славянских языков в области грамматики.

В данной работе мы рассмотрим употребление местоименных форм прилагательных в текстах Катехизиса и Постиллы М. Даукши. Материалом для исследования послужил разрабатываемый нами корпус с морфологической разметкой (Andreev 2018) на основе неаннотированных корпусов, подготовленных в Институте литовского языка (DK 2006; DP 2006) и оцифрованного нами издания «Катехизиса» Даукши под ред. Й. Палёниса (DK 1995) и его польского источника (LK 1995).

Общеизвестно, что переводы Даукши достаточно вольные – например, перевод «Катехизиса» на 40 страниц больше оригинала (Lebedys 1963), поэтому вряд ли можно было бы ожидать появления в этих текстах прямых грамматических калек. Тем не менее, на границе морфологии и синтаксиса можно обнаружить определенные признаки влияния славянской грамматической системы, например, использование инструменталиса в эссивном значении наряду с типичным для балтийским языков номинативом, ср.¹:

¹ Здесь и далее примеры оформлены в соответствии с лейпцигскими правилами глоссирования (<https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf>). Границы морфем в тексте источников не указываются; словообразовательные морфемы выделяются только в случае их высокой степени грамматикализации, как, например, суффиксы отглагольных существительных.

LK 8.9–10

A iesteś ty Chrześcijaninem?
 a BE.IND.PRS:2SG 2SG.NOM.SG христианин:М.INSTR(ESS).SG
 ‘А ты христианин?’

DK 9.10–11

Sákai mań essigu tu krikščionis?
 говорить. христианин:
 IND.PRS:2SG 1SG.DAT.SG BE.IND.PRS:2SG=Q 2SG.NOM.SG M.NOM.SG
 ‘Скажи мне, христианин ли ты?’

vs

LK 9.14–15

co nie iest Chrześcijaninem?
 REL NEG BE.IND.PRS:3SG христианин:М.INSTR(ESS).SG
 ‘кто не христианин?’

DK 11.18–20

kuris ne krikščionimi yra?
 REL:М.NOM.SG NEG христианин:М.INSTR(ESS).SG BE.IND.PRS:3
 ‘который не христианин?’

(об этом явлении см. подробнее (Ambrazas 2006: 163–164)).

Обращаясь собственно к местоименным прилагательным мы на первый взгляд не обнаруживаем никаких следов влияния славянской «синтаксической» модели: польские полные прилагательные передаются как простыми, так и местоименными формами, причем в некоторых случаях польскому суперлативу соответствует литовская местоименная форма, что как будто бы вполне согласуется с постулируемым для современного литовского языка сближением семантики суперлатива и местоименных форм (DLKG: §544). В других же случаях мы не обнаруживаем в польском оригинале никаких особенностей, которые могли бы обуславливать появление в переводе местоименной формы:

LK 10.2–3

iáko krol naywyższy nád wzemi Krolmi
 как король SUPL:высокий: над весь: король:
 [М.NOM.SG] SUPL:М.NOM.SG М.INSTR.PL М.INSTR.PL
 ‘как наивысший король над всеми королями’

DK 13.5–6

kaip tíkrásis karâlus qnt wissu karâlu
 как истинный: король: над весь: король:
 М.NOM.SG: М.NOM.SG М.GEN.PL М.GEN.PL
 DEF.М.NOM.SG
 ‘как самый истинный король над всеми королями’

LK 39.9–10

O łáskáwa / o dobrotliwa / o słodka Páнно Mária
 о милостивый: о добросердечный: о сладкий: госпожа: Мария:
 F.VOC.SG F.VOC.SG F.VOC.SG F.VOC.SG F.VOC.SG
 ‘О милостивая, о добросердечная, о сладкая госпожа Мария’

DK 63.8–10

O małónyü / O méilyü / O saldüü me^arga Maria
 о милостивый: о любезный: о сладкий: дева: Мария:
 F.VOC.SG: F.VOC.SG: F.VOC.SG: F.VOC.SG F.VOC.SG
 DEF.F.VOC.SG DEF.F.VOC.SG DEF.F.VOC.SG
 ‘О милостивая, о благая, о сладчайшая Дева Мария’

Обратимся теперь собственно к анализу распределения местоименных форм в текстах М. Даукши.

Все случаи употребления местоименных форм отчетливо разделяются на два класса. Первый из них образуют **субстантивированные** прилагательные, например:

DK 104.9

pałáiminti griniêü dwašioi
 PFV:счастье: нищий(NOUN): душа:
 CAUS:PTCP.PST.PASS:M.NOM.PL M.NOM.PL:DEF.M.NOM.PL F.LOC.SG
 ‘блаженны нищие духом’

DK 30.21

ir wissi kiti szwętieü
 и весь: другой: святой(NOUN):
 M.NOM.PL M.NOM.PL M.NOM.PL:DEF.M.NOM.PL
 ‘и все другие святые’

DK 66.8

galü melš szwęntúšius
 мочь. молить: святой(NOUN):
 IND.PRS:1SG INF M.ACC.PL:DEF.M.ACC.PL
 ‘могу молить святых’

DK 82.17

tre^ati wissi wîre^asniêü: Karâlyš, Storastos etc
 третий: весь: верхний: король: староста: и т. д.
 M.NOM.PL M.NOM.PL COMP:-M.NOM.PL: M.NOM.PL C.NOM.PL
 DEF.M.NOM.PL

‘в-третьих, все старшие: короли, старосты и т. д.’

DK 38.16

gáli wel iszmanitiš ge^arieü ir piktieü
 мочь. еще иметь_в_виду: добрый(NOUN): и злой(NOUN):
 IND.PRS:3 INF:REFL M.NOM.PL: M.NOM.PL:
 DEF.M.NOM.PL DEF.M.NOM.PL

‘могут еще иметься в виду добрые и злые’

DK 43.4

kurion eis wissi ge^arieii, o piktieii eis
 идти: весь: добрый(NOUN): а злой(NOUN): идти:
 REL:M.ILL.SG FUT[3] M.NOM.PL M.NOM.PL: M.NOM.PL: FUT[3]
 DEF.M.NOM.PL DEF.M.NOM.PL

ing vgni
 в огонь:
 (ILL) F.ACC.SG

‘в который пойдут все добрые, а злые пойдут в огонь’

DK 150.13

Sweikieii ne^a priwâto wâistitoio bet ligonis
 здоровый(NOUN): нуждаться. врач: но больной(NOUN):
 M.NOM.PL: NEG IND.PRS:3 M.GEN.SG M.NOM.SG
 DEF.M.NOM.PL

‘не здоровые нуждаются во врача, но больные’

DK 150.16

ir ne^a ataiéi wadinétu teisuiç bai nussidêiusu
 и прийти: призывать: праведный(NOUN): но PFV:REFL:грешить:
 NEG PST.2SG CAUS:SUP M.GEN.PL: PTCP.PST.ACT(NOUN):
 DEF.M.GEN.PL M.GEN.PL

gailêimop

покаяние:

M.ALL.SG

‘и пришел призвать к покаянию не праведных, но грешников’

DP 126.5

ir ârtimûsius sawûs
 и ближний(NOUN): свой:M.ACC.PL
 M.ACC.PL:DEF.M.ACC.PL

‘и ближних своих’

DP 392.15

o akliéii atwêrkite akís qnt' regéiimo
 а слепой: открыть: глаз: для видеть:
 M.VOC.PL: IMP:2PL F.ACC.PL NMLZ:MM.GEN.SG
 DEF.M.VOC.PL

‘а слепые – откройте очи, чтобы видеть’

Такое употребление в принципе согласуется с семантикой «постоянного признака»; в современном языке оно также возможно, хотя и не вполне типично (DLKG 1997: §547). Однако при более внимательном анализе обнаруживается ряд особенностей. Во-первых, хотя и неверно было бы утверждать, что субстантивация прилагательных в рассматриваемых текстах всегда требует местоименных окончаний, такие формы гораздо более частотны, чем неместоименные (и более частотны, чем в современном языке); так, слово *szwentas* ‘святой’ как существительное встречается в тексте «Катехизиса» в два раза чаще в

местоименной форме, чем в неместоименной. Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что все субстантивированные местоименные формы – это формы множественного числа². В-третьих, отметим, что типичная для современного литовского языка адъективация местоименных причастий (*geriama vanduo* ‘вода, которую пьют (сейчас, непост. признак)’ vs. *geriamoji vanduo* ‘вода, которую пьют (вообще, пост. признак)’ → ‘вода, которую можно пить’ → ‘питьевая вода’) в нашем материале представлена единичными примерами³. Все вышеизложенное позволяет предположить, что мы имеем здесь дело с отдельной морфемой *-ji*, омонимичной «местоименности» и, безусловно, от нее происходящей, значение которой можно определить как ‘собираемость’. Другая возможная интерпретация носит чисто синтаксический характер, о чем будет сказано ниже. Следует также упомянуть о том, что Е. Курилович считал, что вообще местоименные прилагательные восходят к субстантивированным (Kurilovicz 1969), так что теоретически можно было бы видеть в таком употреблении у Даукши архаизм, однако с учетом того, что постулируемая Куриловичем ситуация, вероятно, имела место за полтысячелетия до появления первых литовских памятников письменности, это все же представляется маловероятным.

Переходя теперь к рассмотрению атрибутивных употреблений местоименных форм, мы обнаруживаем довольно хаотическую картину, если рассматривать ее с позиций современной литовской грамматики. С одной стороны, большинство местоименных форм в исследуемых текстах образовано от «значимых» прилагательных, наподобие *amžinas* ‘вечный’, *dangujis* ‘небесный’, *malonus* ‘милостивый’, *szwentas* ‘святой’, *tikras* ‘подлинный’, *wisogaljs* ‘всемогущий’, *wisuresantis* ‘вездесущий’, что согласуется с семантикой постоянного признака:

DK 154.4

Tėwe *ámžinassis*

отец:М.ВОС.СГ вечный:М.ВОС.СГ:ДЕФ.М.ВОС.СГ

‘Отче вечный’

² В Вольфенбюттельской Постилле наблюдается, насколько можно судить по (Gelumbeckaitė 2018: 21–26), очень похожее распределение, однако Й. Гелумбецкайте, к сожалению, никак не комментирует употребление именно форм множественного числа.

³ Ср. DK 187:9 *susimilstąsis Wieszpatie* PFV:REFL:милость:INCH:PTCP.PRS. АСТ:М.ВОС.СГ:ДЕФ.М.ВОС.СГ ‘милостивый Господи’.

DK 92.6

iog žmogus patere^arīoia <...> ir gārba dagúie^aiq⁴
 ведь человек: PFV:терять. и честь: небесный:
 M.NOM.SG PRS:3 F.ACC.SG F.ACC.SG:DEF.F.ACC.SG
 ‘ведь человек теряет <...> и почесть небесную’

DK 145.7

malõnūsis Wieszpatie
 милостивый: господь:
 M.NOM.SG:DEF.M.NOM.SG M.VOC.SG
 ‘милостивый Господи’

DK 14.20

Mõtina mūsū szwētõii ir wissur e^assantii
 мать: святой: и везде
 F.NOM.SG 1PL:GEN(POSS).PL F.NOM.SG: BE:PTCP.PRS.ACT:F.NOM.SG
 DEF.F.NOM.SG: DEF.F.NOM.SG

Bažniczia

церковь:F.NOM.SG
 ‘Мать наша святая и вездесущая Церковь’

DK 37.11

kaip' sunūs Diewo tikrasis
 как сын: бог: истинный:
 M.NOM.SG M.GEN.SG M.NOM.SG:DEF.M.NOM.SG
 ‘как истинный сын Бога’

DK 182.14

Wieszpatie Diewe wissogâlīsis
 господь: бог: весь:LK:мочь:
 M.VOC.SG M.VOC.SG PTCP.PRS.ACT:M.VOC.SG:DEF.M.VOC.SG
 ‘Господи Боже всемогущий’

Но, с другой стороны, мы обнаруживаем также местоименные формы от местоимений, например, *kuris* ‘который’, *manas* ‘мой’:

DK 38.2

Dienq sūdo / kuryii bus pāstaroī
 день: суд: последний:
 F.ACC.SG M.GEN.SG REL:F.NOM.SG: BE:FUT[3] F.NOM.SG:
 DEF.F.NOM.SG DEF.F.NOM.SG
 ‘дня суда, который будет последним’

DP 56.8

parõdisis sunus mânasis Iėjus
 PFV:являться: сын: Иисус:
 FUT:3:REFL M.NOM.SG 1PL.POSS:M.NOM.SG:DEF.M.NOM.SG M.NOM.SG
 ‘явится сын мой Иисус’

⁴ Эта форма может трактоваться и как неместоименная, см.: Sommer 2018: 180.

Сравнительно небольшой объем материала не позволяет провести полноценный дистрибутивно-статистический анализ, однако наблюдения над сочетаемостью наиболее частотного слова *szwentas* ‘святой’ не позволяют уловить каких-либо закономерностей в том, с какими существительными употребляется местоименная форма, а с какими – простая. Так, *Bažniczia* ‘Церковь’ употребляется как с простой, так и с местоименной формой (но с простой несколько чаще), *križius* ‘крест’ – только с простой, *Wieszpatis* ‘Господь’, *apasztalas* ‘апостол’, *žodis* ‘слово’ – только с местоименной. Более того, исходя из семантики постоянного признака мы бы ожидали в устойчивом сочетании ‘Святой Дух’ местоименной формы, однако же в «Катехизисе» на 25 примеров употребления простой формы *Dwasia szwenta* приходится всего два употребления местоименной формы⁵:

DK 26.5

O Dwasia szwentôii yra Diewu?
 а душа: святой:
 F.NOM.SG F.NOM.SG: BE.ND.PRS:3 бог:M.INSTR(ESS).SG
 DEF.F.NOM.SG

‘А Дух Святой — это Бог?’

DK 40.8

ir tâiso Dwassia szwétaia
 и править. душа: святой:
 IND.PRS:3 F.INSTR.SG F.INSTR.SG:DEF.F.INSTR.SG
 ‘и правит Духом Святым’

Далее, несмотря на то, что, как было показано выше, польские суперлативные формы иногда передаются литовскими местоименными в положительной степени, нейтрализации противопоставления местоименных и неместоименных форм в суперлативе не происходит. Хотя местоименных суперлативных форм и не много, но, учитывая в целом не слишком большой объем корпуса, это представляется значимым:

DK 148.14

augszczeusieii Seraphinai
 высокий: серафим:M.NOM.PL
 SUPL:M.NOM.PL:DEF.M.NOM.PL

‘высочайшие серафимы’

⁵ К сожалению, данные «Постиллы» здесь ненадежны, потому что в ней чаще всего употребляется сокращение *Dwasia S.*, не позволяющее, очевидно, определить характер прилагательного.

DK 170.11

swéikas *szwęczeuse^asis* *kûne* <...> *aukszczeuse^ssis* *saldûme* <...>
 здоровый: святой: тело: высокий: сладкий:
 M.NOM.SG SUPL:M.VOC.SG: M.VOC.SG SUPL:M.VOC.SG: NMLZ:M.VOC.SG
 DEF.VOC.SG DEF.M.VOC.SG

daguie^aiis *gérime*
 небесный: пить:
 M.VOC.SG: NMLZ:M.VOC.SG
 DEF.M.VOC.SG

‘славься, святейшее тело <...> высшая сладость <...> небесное питание’

DK 170.17

Tíkrisis *ir* *malone^ausesis* *mitétoie^au* *zmoniu*
 истинный: и милостивый: любить: человек.
 M.VOC.SG: SUPL:M.VOC.SG: NMLZ.AG:M.VOC.SG PL:M.GEN.PL
 DEF.M.VOC.SG DEF.M.VOC.SG

‘подлинный и милостивейший человеколюбец’

Наибольшие затруднения, однако, вызывает употребление и местоименных, и неместоименных форм в одних и тех же контекстах, например:

DK 12.12–14

Iog *yra* *tíkrisis* *ir* *wienatîes* *sunus* *Diewo*
 ведь истинный: и единственный: сын: бог:
 BE.IND.PRS:3 M.NOM.SG: M.NOM.SG M.NOM.SG M.GEN.SG
 DEF.M.NOM.SG

Tewo *wíssa* *gálinčžio*
 отец: весь(NOUN): мочь:
 M.GEN.SG M.ACC.SG PTCP.PRS.ACT:M.GEN.SG

‘ведь он истинный и единственный сын Бога Отца всемогущего’

DK 12.17–19

Iog *yra* *tíkras* / *ir* *wiengimís* *sunus* *szwęczésios*
 ведь истинный: и единокровный: сын: святой:
 BE.IND.PRS:3 M.NOM.SG M.NOM.SG M.NOM.SG SUPL:F.GEN.SG

mergôs *marios*
 дева: Марья:
 F.GEN.SG F.GEN.SG

‘ведь он истинный и единокровный сын пресвятой девы Марии’

Есть только небольшое число контекстов, связанных с числительными, в которых местоименным формам можно приписать значение определенности, например:

DK 46.17

Kurí *yra* *pîrmoii?*
 первый:
 REL:F.NOM.SG BE.IND.PRS:3 F.NOM.SG:DEF.NOM.SG

‘какова первая [заповедь]?’

DP 40.25

teip' wel qntrasis Adômas izganítóias ir Wieszpatís
 так же второй: Адам: избавить: и господь:
 M.NOM.SG: M.NOM.SG NMLZ.AG:M.NOM.SG M.NOM.SG
 DEF.M.NOM.SG

músu Iesus Chrístus
 Иисус: Христос:
 1PL:GEN(POSS).PL M.NOM.SG M.NOM.SG

‘так и второй Адам избавитель и господь наш Иисус Христос’

DK 38.20

o tre^acziáia persóna Tráices szwęcze^ausios
 а третий: ипостась: Троица: святой:
 F.NOM.SG: F.NOM.SG F.GEN.SG SUPL:F.GEN.SG
 DEF.F.NOM.SG

‘а третья ипостась пресвятой Троицы’

Каковы же могут быть основания для употребления местоименных форм в других случаях, если, как мы видим, семантические критерии, опирающиеся на современное литовское употребление, здесь, по всей видимости, не работают? Возможный ответ на этот вопрос может дать внимательное изучение синтаксических позиций, которые занимают местоименные формы. Во-первых, даже из приведенных выше примеров ясно видно, что в большинстве случаев они выступают в форме номинатива, вокатива и инструменталиса в эссивном значении, иными словами, они употребляются либо в позиции именного сказуемого либо в обращениях⁶. Во-вторых, значительная часть употреблений местоименных форм приходится на стилистически маркированные фрагменты текста, т. е. молитвы и цитаты из священных текстов, а не на собственно авторский текст. Такое употребление в принципе согласуется с постулируемой Гатерсом эмфатической семантикой местоименных прилагательных, однако само по себе понятие эмфазы является достаточно расплывчатым. Нам кажется возможным говорить о связи местоименных прилагательных с тема-рематической структурой предложения, а именно, мы полагаем, что в текстах Даукши местоименные прилагательные могут маркировать **рему** предложения. Такое предположение согласуется с тем, что при близко расположенных повторах словосочетаний местоименная форма обычно заменяется неместоименной —

⁶ Аналогичная картина обнаруживается и в текстах Бреткунаса (Parenti 1995: 78–80).

очевидно, что в таких случаях ремой является только одно словосочетание, а при повторе оно превращается в тему.

Дополнительным аргументом в пользу связи местоименных форм с синтаксисом, а не с лексической семантикой может служить явление, наблюдающееся в текстах Даукши, но совершенно чуждое современному литовскому языку, а именно своего рода согласование прилагательных по «местоименности»⁷:

DK 63.8

<i>O malônyii,</i>	<i>O méilyii,</i>	<i>O saldûi</i>	<i>me^arga</i>	<i>Maria.</i>
о милостивый:	о любезный:	о сладкий:	дева:	Мария:
F.VOC.SG:	F.VOC.SG:	F.VOC.SG:	F.VOC.SG	F.VOC.SG
DEF.F.VOC.SG	DEF.F.VOC.SG	DEF.F.VOC.SG		
<i>Mêlskiś</i>	<i>vž mus</i>	<i>szwėtóii</i>	<i>Diéwo</i>	<i>gimdîwe^a</i>
молить:	за	святой:	бог:	родительница:
IMP:2SG:REFL	1PL.ACC.PL	F.VOC.SG:	M.GEN.SG	F.VOC.SG
		DEF.F.VOC.SG		

Особенно хорошо это проявляется в тех случаях, когда местоименные окончания получают местоимения:

DK 38.2

<i>Dieną</i>	<i>súdo /</i>	<i>kuryii</i>	<i>bus</i>	<i>pástaroii</i>
день:	суд:			последний:
F.ACC.SG	M.ACC.SG	rel:F.NOM.SG:	BE:FUT[3]	F.NOM.SG:
		DEF.F.NOM.SG		DEF.F.NOM.SG

‘дня суда, который будет последний’

DK 38.20–39.2

<i>o tre^acziáia</i>	<i>persóna</i>	<i>Tráices</i>	<i>szwęcze^ausios</i>	<i>kurûi</i>
а третий:	ипостась:	Троица:	святой:	
F.NOM.SG:	F.NOM.SG	F.GEN.SG	SUPL:F.GEN.SG	REL:F.NOM.SG:
DEF.F.NOM.SG				

dûst *dôwanas*

давать.

дар:

DEF.F.NOM.SG IND.PRS:3 F.ACC.PL

‘а третья ипостась пресвятой Троицы, которая дает дары’

DK 172.2

<i>tikrôii</i>	<i>ir</i>	<i>amžinôii</i>	<i>giwâta</i>	<i>manôii</i>
истинный:	и	вечный:	жизнь:	
F.NOM.SG:		F.NOM.SG:	F.NOM.SG	1SG.POSS:F.NOM.SG:
DEF.F.NOM.SG		DEF.F.NOM.SG	DEF.F.NOM.SG	

‘подлинная и вечная жизнь моя’

⁷ В этом отношении ситуация в текстах Бреткунаса прямо противоположная: в именной группе, как правило, только одна форма несет на себе местоименные окончания (Parenti 1995: 81–82).

Возвращаясь теперь к субстантивированным употреблениям местоименных форм, мы можем заметить, что и они занимают особую синтаксическую позицию, находясь в вершине именной группы, так что и такие употребления можно считать синтаксически, а не семантически обусловленными (хотя лично нам интерпретация их через категорию собирательности кажется более привлекательной).

Итак, мы обнаруживаем, что, по сравнению с современным литературным языком, употребление местоименных форм прилагательных в текстах М. Даукши оказывается в гораздо большей степени обусловленным синтаксически, чем семантически. Очень осторожно мы можем высказать здесь предположение, что такое положение дел может быть связано с влиянием «синтаксической» славянской модели функционирования полных/кратких прилагательных, хотя, конечно, на уровне формы мы обнаруживаем картину, в некотором смысле обратную славянской: местоименные прилагательные стремятся скорее занять позицию сказуемого, которая в славянских языках как раз характерна для кратких прилагательных. Как бы то ни было, этот вопрос, безусловно, требует анализа более широкого круга переводных и оригинальных старолитовских текстов; представляется также исключительно интересным продолжить исследование этого вопроса на материале текстов Малой Литвы, начатое Паренти, и посмотреть, не обнаружится ли в них следов влияния германской системы противопоставления слабых и сильных прилагательных.

Литература

- Ambrazas, V. 2006: *Lietuvių kalbos istorinė sintaksė*. Vilnius : Lietuvių kalbos in-tas, 2006
- Andreev, A. V. 2018: [A method of syntactically-constrained morphological annotation (as applied to «Katechismas» of 1595 by M. Daukša)]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*], 22 (1), 38–49
- Андреев А. В. 2018: Синтаксически управляемая разметка нестандартных текстов (на материале “Катехизиса” 1595 г. М. Даукши). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22 (1), 38–49
- DK 1995: *Mikalojaus Daukšos 1595 katekizmas*. Red. J. Palionis. Vilnius: Moklso ir enciklopedijų leidykla, 1995
- DK 2006: Mikalojus Daukša. *Katekizmas*, 1595. Prepared by M. Šinkūnas, sponsored by Lithuanian State Science and Studies Foundation, 2006. (<http://seniejirastai.lki.lt/db.php?source=1>)

- DLKG 1997: *Dabartinės lietuvių kalbos gramatika*. Red. V. Ambrazas. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos in-tas.
- DP 2006: Mikalojus Daukša. *Postilė*, 1599. Prepared by V. Adamonytė, M. Lučinskienė, J. Pajėdienė, M. Šinkūnas, E. Žilinskaitė, O. Aleknavičienė, sponsored by Lithuanian State Science and Studies Foundation, 2006. (<http://seniejirastai.lki.lt/db.php?source=2>).
- Gäters, A. 1959: Das bestimmte Adjektiv im Baltischen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft*, 76, 1–2. 136–159.
- Gelumbeckaitė, J. 2018: Zur Grammatik der litauischen Postillen des 16. und 17. Jahrhunderts: Definite Nominaldetermination in der Wolfenbütteler Postille (1573–1574). Internationale wissenschaftliche Tagung *Achthundert Jahre Deutsch-Baltischer Beziehungen. Kulturelle Wechselwirkung im baltischen Sprachraum*, 16.–18.05.2018, Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel. (http://titus.uni-frankfurt.de/personal/gelumbeckaite/gelumbeckaite_hab_2018.pdf)
- Guild, G. D. 1970: The development of the concept of definiteness in Baltic and Slavic. In: *Donum Balticum. To professor Christian S. Stang on the occasion of his seventieth birthday 15. March 1970*. Ed. Rūķe-Draviņa. Stockholm, 1970. 62–172
- Heinrichs, H. M. 1954: *Studien zum bestimmten Artikel in den germanischen Sprachen*. Giessen: W. Schmitz, 1954.
- Hock, W. 2016: Pronominierte Nominalformen im Altlitauischen. *Indogermanische Forschungen*, 121. 365–386
- Holvoet Axel and Birutė Spraukienė (2012). “Towards a semantic map for definite adjectives in Baltic”. In: *Baltic Linguistics* 3 65–99
- Holvoet, A., Tamulionienė, A. 2006: Apibrėžtumo kategorija. In: *Daiktavardinio junginio tyrimai*. Red. A. Holvoet, R. Mikulskas. Vilnius, 2006. 11–32.
- Koch Christoph (1992). Zur Vorgeschichte des relativen Attributiv-konnexes im Baltischen und Slavischen. In: *Indogermanisch Slawisch und Baltisch*. Ed. by Bernd Barschel Maria Kozińska and Karin Weber. Otto Sagner 45–88.
- Kuriłovicz, J. 1969: [Adjective inflections in Baltic and Slavic]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 3. 1969. 3–11.
- Курилович, Е. 1969: Флексии прилагательного в балтийском и славянском. *Вопросы языкознания*, 3. 1969. 3–11.
- Kurz, J. 1946: K otázce členu v jazycích slovanských se zvláštím žretem k staroslovenštině. *Byzantinoslavica*, 8. 1946. 172–288.
- Kusmenko, Yu. 2011: *Rannie germantsy i ix sosedi: Lingvistika, arxeologiya, genetika* [Early Germans and their neighbours: Linguistics, archeology, genetics]. SPb: Nestor-Istoriya, 2011
- Кузьменко. Ю. К. 2011: *Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика*. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Lebedys, J. 1963: *Mikalojus Daukša: Monografija*. Vilnius, 1963.
- LK 1995: *Der transliterierte Text des polnischen Katechismus von J. Ledesma* In: *Mikalojaus Daukšos 1595 katekizmas*. Red. J. Palionis. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. 458–604.
- Meillet, A. 1908: *Les dialectes indo-européens*. Paris: La Société de Linguistique de Paris, 1908. (<https://archive.org/details/lesdialectesind00meil>).

- Mikulskas, R. 2006: Apibrėžiamųjų būdvardžių aprašo perspektyva. In: *Daiktavardinio junginio tyrimai*. Red. A. Holvoet, R. Mikulskas. Vilnius, 2006. 33–66.
- Orr, R. 1982: The Twofold Adjective Declension in Germanic and Slavic (with some Reference to Baltic): A contrastive/comparative Analysis. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 96, 1. 1982. 104–118
- Parenti, A. 1995: Observations on the use of the definite adjective in Bretkūnas' version of the New Testament. *Res balticae*, 1. 77–87.
- Petit, D. 2009: La préhistoire des adjectifs déterminés du baltique et du slave. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, 104/1, 2009, 311–360.
- Sommer, F. 2018: The historical morphology of definiteness in Baltic. *Indo-European Linguistics*, 6/1, 152–200. (https://brill.com/view/journals/ieul/6/1/article-p152_5.xml)
- Valeckienė, A. 1957: Dabartinės lietuvių kalbos įvardžiuotinių būdvardžių vartojimas. In: *Literatūra ir kalba*. T. 2. Vilnius, 1957. 159–355
- Valeckienė, A. 1990: Įvardžiuotinių būdvardžių kilmė. *Baltistica*, 26. 23–28
- Zinkevičius, Z. 1958: [Some notes on pronominal adjectives formation in Lithuanian language]. In: *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija* [*Topics in the study of Slavic languages*], 3. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958, 50–100.
- Зинкявичюс, З. 1958: *Некоторые вопросы образования местоименных прилагательных в литовском языке*. В: Вопросы славянского языкознания. М. : Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 3. 50–100.